

А.А. Сизова

Дарья Мелехова

Мелехова Дарья — персонаж романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», жена Петра, старшая сноха в семье Мелеховых. Веселая и озорная Дарья не любила особо задумываться над жизнью.

Мужа она не боится, отделяется от упреков шутками и легко обманывает его.

«Замужняя жизнь не изжелтила, не высушила ее; высокая, тонкая гибкая в стану, как красноталовая хворостинка, была она похожа на девушку. Вилась в походке, перебирая плечами; на окрики мужа посмеивалась; под тонкой каймой злых губ плотно просвечивали мелкие частые зубы».

Семейные и материнские заботы Дарью не привлекают. Под любым предлогом она стремится увильнуть от тяжелой работы, недаром Пантелей Прокофьевич наказывал жене: «Дарью, Дарью стегай. С ленцом баба, огорченная... Румянится да брови чернит...» Да и сама Ильинична недолюбливала сноху за легкомысленный нрав.

В начале романа упоминается, что у Дарьи — маленький ребенок. Провожая Петра на службу, Дарья с ребенком на руках «пошла следом». Но Дарья-мать нигде больше не изображается. И лишь в одном из писем к Григорию Пантелей Прокофьевич сообщает, что ребенок у Дарьи умер, ничего не написав о матери, видимо, недолго она страдала.

Дарья любила жизнь и по-своему искала в ней счастья. Она любила свою красоту, любила наряжаться и умела это делать, с удовольствием ходила на «игрища», забываясь в случайных любовных приключениях.

Немного горевала Дарья по убитому мужу, «Кажется, никакое горе не было в силах не только сломить ее, но даже пригнуть к земле. Жила она на белом свете, как красноталовая хворостинка: гибкая, красивая и доступная <...> Такая уж она была, Дарья. С этим, пожалуй, ничего нельзя было поделать. Смерть Петра словно подхлестнула ее, и, чуть оправившись от перенесенного горя, она стала еще жаднее к жизни, еще внимательнее к своей наружности».

Разгульная жизнь постепенно отделяет Дарью от близких ей людей, она становится все более равнодушной и циничной. Не случайно в красоте Дарьи подчеркивается что-то злое и нечистое. «Не тронутые загаром бледные щеки резче оттеняли жаркий блеск прищуренных, ищущих глаз, в а своевольном изгибе накрашенных бровей и в складке улыбающихся губ таилось что-то вызывающее... и нечистое». «Строгий по дому» Пантелей Прокофьевич ругает беспутную сноху последними словами, пытается проучить ее вожжами. Наталья «всегда относилась к Дарье и к ее нечистоплотным любовным увлечениям с чувством сожаления и брезгливости».

Но Дарья не унывает, у нее по-прежнему «на уме — игрища да улица».

Характер Дарьи раскрывается постепенно. За внешней привлекательностью, веселым озорством, за что ее так любили в мелеховской семье, порой скрывается равнодушие, жадность и эгоизм. За золотое кольцо, отданное ей Аксиньей, Дарья вызывает Григория на свидание. Она не задумывается о дальнейшей судьбе Натальи, хотя знает, какую глубокую обиду наносит ей этим поступком.

Утрата нравственной чистоты, внутренняя опустошенность приводят Дарью к откровенному цинизму и жестокости. Долго не могут Мелеховы простить Дарье убийство беззащитного, забитого до полусмерти Ивана Алексеевича Котлярова.

Со слезами на глазах рассказывает Дуняшка об этом событии Григорию. Уходит к соседям Ильинична, «забоявшись» ночевать в доме с Дарьей-убийцей. И сам Григорий «никогда еще не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он

стоял над Дарьей, стоная и раскачиваясь, крепко сцепив зубы, с чувством непреодолимого отвращения и гадливости рассматривая это лежащее тело. Потом шагнул, наступил кованым каблуком сапога на лицо Дарьи, черневшее полудужьями высоких бровей, прохрипел: «Ггг-дю-ка!»»

Как ни легко старалась пройти по жизни своей «легкой, вьющейся» походкой Дарья, беда не миновала и ее. Случайные любовные увлечения закончились «дурной болезнью» — сифилисом.

Приближение страшной развязки заставляет Дарью по-другому взглянуть на окружающий ее мир, она начинает понимать истинные жизненные ценности. Ей вдруг становится бесконечно дорог и «внятен» аромат цветка. «Дарья смотрела на него с жадностью и изумлением, словно впервые видела этот простенький и невзрачный цветок; понюхала его, широко раздувая вздрагивающиеся ноздри, потом бережно положила на взрыхленную, высушенную ветрами землю...»

С глубокой грустью она осознает, сколь многое просмотрела: «Я вон какую жизнь прожила и была вроде слепой, а вот как пошла из станицы по-над Доном да как вздумала, что мне скоро надо будет расставаться со всем этим, и кубыть глаза открылись! Гляжу на Дон, а по нем зыбь, и от солнца он чисто серебряный, так и переливается весь, аж глазам глядеть на него больно. Повернусь кругом, гляну — Господи, красота-то какая! А я ее и не примечала...»

Дарья может теперь «застенчиво улыбаться» и даже «плакать, глядя на детишек», с болью ощущая свое одиночество: «У меня — ни сзади, ни спереди никого нет. И от сердца отрывать некого».

Завидует она Наталье, ее чистой и верной любви «к своему» и прямо говорит о себе: «А мне вот ни одного дюже не доводилось любить. Любила по-собачьему, кое-как, как приходилось... Мне бы теперь сызнова жизнь начать, — может, и я бы другой стала?»

Гордая, своенравная Дарья строго судит себя перед смертью: «Страшнее этого суда, какой я над собой сделаю, не придумаешь». А умереть она решила твердо, жить дальше искалеченной, жалкой, приниженной она не могла. «Кому я такая буду нужна? красота моя пропадет, высохну вся, живьем буду гнить... Нет, не хочу!»

Утопилась она в Дону. Когда на другой день вытащили утопшую, «Дуняшка, взглянув, поспешно отходила от нее, дивясь ужасаясь тому, как не похожа мертвая Дарья на ту, что еще так недавно шутила и смеялась и так любила жизнь».

Пантелей Прокофьевич заставил заупрямившегося было священника похоронить Дарью «как и полагается, на кладбище, рядом с Петром».